

Е. Н. ПРОСКУРИНА

«В ТАКОМ ЗНАЧЕНИИ ВОЙНЫ ВООБЩЕ ЛЕЖИТ ЗАЛОГ ПРОГРЕССА»

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

«Вы не забыли еще, конечно, того вечера, — это было так недавно — когда мы, сидя в вашем кабинете, толковали о политических делах нашей “старой наставницы” Европы. Тихая беседа не замедлила перейти в оживленный спор, как только речь зашла о той кровавой, возмутительной трагедии, разыгравшейся на Западе, свирепые сцены которой одна за другой проходили перед нашими глазами. [...] Вы, по обыкновению, горячо отстаивали Германию, я также горячо и также по обыкновению отстаивал Францию»¹. Думается, что в этом споре между главным редактором журнала «Вестник Европы» Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем и его корреспондентом Евгением Исааковичем Утиным выражена вся суть той бурной полемики, которую вызвала в российском обществе франко-прусская война.

Полемика действительно была бурной. При этом вектор российских общественных настроений был направлен в сторону Франции, что не совпадало с официальным внешнеполитическим курсом, строившимся на благожелательном отношении к Пруссии. «Никогда еще, — писал потом в своих воспоминаниях чиновник и известный литератор Е. М. Феоктистов, — правительство не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами»². Объяснить подобные настроения можно, вероятнее всего, актуализацией в России в начале 60-х годов XIX в. болезненного «немецкого вопроса», что привело к разрастанию германофобских настроений³. Все это нашло свое отражение на

¹ Утин Е. Франция и французы после войны: Из путешествия // Вестник Европы. 1871. Кн. 4. С. 864.

² Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы: 1848–1896. Л., 1929. С. 112.

³ См. об этом подробнее: Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 106–113.

страницах российской периодической печати, во время франко-прусской войны пестревшей рассуждениями о причинах этой «колоссальной борьбы», ее возможном исходе и последствиях.

«Вестник Европы», как один из наиболее популярных толстых журналов своего времени, разумеется, не мог остаться в стороне от обсуждения конфликта, чему способствовал сам характер издания. «Вестник Европы» был либеральным журналом западнического направления. Россия воспринималась им как европейская страна, тесно связанная с европейскими политическими и культурными традициями, и война 1870–1871 гг., оказавшая значительное воздействие на интеллектуальную и духовную жизнь Европы, просто не могла рассматриваться как сугубо «внешнее» событие. Несмотря на то, что «Россия не принимала участия в самой войне, нравственное ее давление распространилось и на нас. [...] война повлияла на наши экономические и финансовые дела и отодвинула совершенно на задний план весь интерес общества к внутренним вопросам»⁴.

С августа 1870 г., то есть с момента начала военных действий, и на протяжении всего 1871 г. на страницах «Вестника Европы» было опубликовано более двадцати статей, не считая регулярных ежемесячных хроник, которые были посвящены различным аспектам этого военного конфликта. Позиция журнала в его оценке не была столь однозначной, как это может показаться на первый взгляд. Более того, односторонняя профранцузская ориентация некоторых публикаций российской прессы вызывала резкую критику журнала.

При внимательном прочтении становится очевидным, что в материалах «Вестника Европы», посвященных франко-прусской войне, нашли выражение и итоги многолетних раздумий, и сложившиеся убеждения, и запросы текущего момента, и целенаправленная пропаганда, и просто полемическая страсть авторов. Однако для понимания и усвоения этих многочисленных, довольно разнообразных и неоднозначных интерпретаций, а также для более взвешенного понимания позиции журнала недостаточно, что называется, буквально прочтения текста. Историко-культурная информация текстов «Вестника Европы» имеет свою совокупность понятий, единую знаковую систему, расшифровать которую возможно только через вос-

⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1871. Кн. 1. С. 404.

произведение содержания фундаментальных концептов, употреблявшихся либералами-западниками для передачи своих идей.

Первый концепт был связан с утверждением в России еще в первой половине XIX в. нового понимания темпоральности, усвоенного под влиянием идей Просвещения и Французской революции, при котором важным фактором восприятия прошлого, настоящего и будущего была идея прогресса⁵. К ней, как к основной категории исторического развития, «Вестник Европы» постоянно обращался в своих публикациях, понимая прогресс как «беспрепятственное развитие всех существенных и материальных сил народа»⁶. Движение вперед является существенным свойством цивилизации, «человечество не может остановиться в своем росте, в своем стремлении к более обширному пользованию всеми дарами цивилизации»⁷.

Вместе с тем, «прогресс вовсе не двигается вперед спокойным, ровным путем, он идет зигзагами, часто сворачивает с прямой дороги, отодвигая общество назад»⁸, иными словами, на пути прогресса все же встречаются препятствия, и одно из них — война, «которая, в сущности, никогда и нигде не была рычагом цивилизации»⁹. В понимании «Вестника Европы» «война — это покушение самое варварское и на личность, и на собственность, на эти столбы современной цивилизации, это “проповедь анархии”», то есть прямая угроза исповедуемым журналом либеральным ценностям. Война в трактовках «Вестника Европы» не дает полезных результатов, она, «будучи абсолютным злом, — не может дать торжества никакой идее»: «В сущности, войною ничего и никогда не решается: ею не достигается свобода, точно так же как, с другой стороны, ею даже не получается власть. [...] Нет, дело цивилизации должно быть чисто и оно не покупается международной войною»¹⁰.

⁵ *Сабурова Т. А.* «Горизонты ожиданий» русских интеллектуалов первой половины XIX века // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 24.

⁶ *И. Н.* Война и цивилизация: Великие принципы и идеологи Второй империи. I–V // Вестник Европы. 1870. Кн. 10. С. 838.

⁷ *Он же.* Франция и Европа при воцарении Наполеона III: 1848–1851 // Вестник Европы. 1870. Кн. 12. С. 847.

⁸ *Утин Е.* Франция и французы после войны... С. 865.

⁹ *И. Н.* Война и цивилизация. Великие принципы и идеологи Второй империи. VI–IX // Вестник Европы. 1870. Кн. 11. С. 254–276.

¹⁰ Там же. С. 835, 839, 858.

С этих же позиций «Вестник Европы» подходил и к вопросу о возможностях российской политики. Россия, по мнению редакции, должна удержаться от «всякого вооруженного вмешательства и не поддаваться никаким завоевательным мечтам, которые в случае неуспеха страшно и надолго расстроили бы наши дела, а в случае успеха поставили бы препятствия, быть может, непреодолимые, для внутреннего развития нашей, ныне существующей России»¹¹.

Однако если сама война трактовалась сотрудниками журнала как событие регрессивного порядка, то развернувшаяся вокруг нее на страницах российской периодической печати полемика рассматривалась как явный индикатор прогресса российского общества. Ведь идея активной общественной позиции напрямую вытекала из идеи прогресса: «Нынешний интерес к судьбам Европы может служить новым признаком, что умственные интересы в нашем обществе укрепились, что политические идеи принимаются им ближе к сердцу и стали понятнее массе общества, чем было двадцать лет тому назад»¹². Кроме того, журнал был убежден, что «умам развитым и беспристрастным удастся вывести из настоящих событий уроки, не бесполезные для нас самих»¹³.

В подобном подходе очень ярко проявилась еще одна черта присущего российской интеллигенции мышления, а именно четко выраженный утилитаризм, то есть превращение любой идеи, мысли, события, любого элемента культуры, нравственного принципа в средство для достижения заранее поставленной цели¹⁴. В данном случае речь шла об общественном прогрессе. Рассуждения на эту тему привели к выводу, что истинный прогресс не заключается в прогрессе промышленном и полицейском, и в прогрессе вооружений. Все это окажется несостоятельным, если на протяжении долгого времени «подавляется всякая самостоятельность общества», «отсутствует свобода слова и собраний». Такая система «приучает массу народа к апатии, а просвещенное меньшинство к недоверию и

¹¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 367.

¹² Там же. С. 362.

¹³ Там же.

¹⁴ Ахизер А. С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. Кн. 1. С. 12–21.

недовольству», и в результате приводит к «принижению умственного уровня в стране, отсутствию истинно-способных людей в рядах ее официальных деятелей и самообольщению насчет своих сил, незнанию своих недостатков»¹⁵. Таким образом, главный урок франко-прусской войны, который должна была усвоить Россия, состоял в том, что «сама материальная сила народа не может преуспевать независимо от его нравственного положения»¹⁶.

Одной из наиболее актуальных тем в связи с осмыслением франко-прусской войны в категориях будущего прогресса стала тема преемственности и разрывов. Она хорошо прослеживается на примере того, как «Вестник Европы» анализировал причины поражения Франции в войне. Этот факт не представлялся журналу «делом случая, результатом каких-либо неудачных стратегических распоряжений, точно так же как и наше поражение под Севастополем не было делом одного случая или частных ошибок военачальников»¹⁷. Возможные параллели с недавней российской историей и сходство стоящих перед обеими странами задач на будущее делали французский опыт особенно интересным для либерального журнала. Не случайно настойчивое стремление редакции не просто осмыслить положение Франции в период франко-прусской войны, но задать более обширную историческую перспективу, начиная с Французской революции. С этой точки зрения интересен цикл статей, посвященный правлению Наполеона III¹⁸. По мнению автора публикаций, искать причины военной неудачи Франции следует в существовании Второй империи, которая признается наследницей «традиции войны и разорений Первой»¹⁹: «Племянник черпал все вдохновения своей авантюристской политики в подвигах и замыслах дяди [...] В этом отношении история Наполеона I чрезвычайно поучительна и многостороння; настоящие же события придают ей весьма современный интерес, так как пред

¹⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 362–363.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 10. С. 899.

¹⁸ И. Н. Война и цивилизация... I–V. С. 830–864; Там же. VI–IX. С. 254–276; *Он же*. Франция и Европа... С. 847–885; *Он же*. Старая и новая Франция: Централизация и общественная инициатива // Вестник Европы. 1871. Кн. 3. С. 12–56.

¹⁹ И. Н. Франция и Европа... С. 847.

нами двадцать лет развертывалось не что иное, как жалкая копия с того колоссального оригинала»²⁰.

При этом особое внимание автор уделяет «идеологической» составляющей обеих империй. Как и его предшественник, Наполеон III указывал, что опирается в своем правлении на «великие принципы 1789 года», «которым империя будто бы служит»²¹. Но этот факт преемственности корреспондентом «Вестника Европы» отрицается, как и попытки провести параллели между франко-прусской войной и войнами революционной Франции и Наполеона I.

Для того чтобы показать несостоятельность подобного утверждения, в статьях конструируется некий идеальный образ «Франции 1789 года». Война 1792 г. – это война «нации, которая любила свободу, стремилась к свободе и готова была отдать жизнь свою за нее и за ту страну, на которой свобода расцвела впервые»²²: «...чувство привязанности к своей стране слилось с чувством привязанности к приобретенной свободе. [...] В то время Франция отстаивала свободу не вышедшую из войны, а напротив осажденную войною; она отстаивала в то время *известные, определенные* идеи, она отстаивала уничтожение феодального грабежа и политического произвола; и она знала, *что* она отстаивает»²³. Наполеон I, учитывая «веру французов в могущество революции, счел нужным явиться перед нацией ее продолжателем, наследником». Но «революционная Франция не стремилась и не хотела территориального увеличения», а Бонапарт повел французские армии за Рейн и своей политикой в германских землях, по мнению автора, заложил первый камень будущего франко-прусского конфликта²⁴.

Императорский манифест об объявлении войны с Пруссией также сопровождался обращением к «великим принципам» 1789 года. Следуя примеру дяди, Наполеон III также хотел видеть Францию в «ее естественных границах», утвердить, наконец, свою династию, и, кроме того, решить при помощи войны проблемы тяже-

²⁰ *Он же*. Война и цивилизация... VI-IX. С. 255.

²¹ Там же. С. 254.

²² Там же. С. 256.

²³ Там же. I-V. С. 861.

²⁴ Там же. VI-IX. С. 255, 258–259.

лого внутреннего положения страны²⁵. Но истинные причины его действий оценивались иначе: «...сравнение с прошлым представляется еще более невыгодно для настоящего, если мы укажем, что даже среди отчаянного положения никогда не шла речь о естественных границах, никогда никто не мечтал о воинской славе и доблести»²⁶.

Однако автор статей не отрицает преемственности революционных принципов. Обращение к идейному наследию Французской революции в контексте франко-прусской войны представляется ему особенно актуальным. Во-первых, потому, что «все, что бы ни делалось во Франции с начала XIX века и до наших дней, все невольно обращается к эпохе революции, как к великому трибуналу — или за одобрительной санкцией, или за руководящим советом». Во-вторых, потому, что «никакая нация не представляла в своей истории такого полного разрыва между своим прошлым и настоящим»²⁷, что и явилось главной причиной поражения и бедствий Франции.

Стоит отметить и еще один важный момент: в интерпретациях обеих войн, как франко-прусской, так и той, которую вела революционная Франция, центральное место занимал идейный компонент. Война осмысливалась с точки зрения наличия у противоборствующих сторон некой высшей цели, за которую они сражались (свободы, национального единства и т. п.), понималась не только и не столько как противоборство, вызванное объективно сложившимися политическими противоречиями, а как конфликт идей и принципов.

С очевидностью просматривается влияние на интерпретации журналом франко-прусской войны и другого, не менее важного концепта, опирающегося на идею прогресса, — концепта нации. В российском обществе пореформенного десятилетия споры о национальной идентичности приобрели особенную актуальность. С одной стороны, реформы 60-х годов способствовали изменению социальных качеств того, что мыслилось как русская нация. С другой стороны, события, происходившие за пределами российского государства (в частности, завершение процесса формирования европейских наций), также стимулировали дискуссии на национальную тему. Их результатом стало распространение представлений о мире как «сово-

²⁵ Там же. С. 265.

²⁶ Там же. I–V. С. 861.

²⁷ И. Н. Старая и новая Франция... С. 18.

купности естественным образом существующих народов-наций, которые стремятся к образованию собственных государств»²⁸.

С самого начала и до Седанского сражения франко-прусская война понималась «Вестником Европы» как война за национальное объединение Германии. И с этой точки зрения она представлялась вполне справедливой, поскольку «только прочное национальное единство и уверенность в своей безопасности дают каждой нации возможность серьезно заняться разбором своей внутренней жизни и изысканием способов к установлению политической свободы и гражданского равенства и к развитию материального благосостояния». Поэтому нет ничего удивительно, что «немцы сами увлечены в войну, сами влекут свои правительства, ибо видят в войне за Рейн войну за целостность немецкой земли — войну за национальное единство, без которого невозможно развитие свободы. [...] это война за национальное существование»²⁹. Стоит заметить, что в данной публикации одной из противоборствующих сторон является не Пруссия или Северогерманский союз, которые вели войну, а именно Германия, которой еще не существовало на карте, и которая, в случае победы, должна была «приобрести в первый раз национальное единство». Другая сторона конфликта — Франция, которая отождествлялась с Империей Наполеона III, и чья победа означала бы «раздробление Германии в прежние куски». Поэтому, говоря о возможном исходе войны, журнал отмечал победу Германии как желательную.

В этом же номере «Вестника Европы», с пометкой редакции о несогласии со всеми мнениями автора, была опубликована статья под названием «Франция и Пруссия»³⁰, представившая противоположную точку зрения. Единственное, в чем мысли автора статьи созвучны идеям автора «Иностранного обозрения», так это в том, что «свобода и единство Германии дело весьма почтенное». Здесь указывается, что речь идет не об объединении Германии, а об увеличении Пруссии, то есть это завоевательная война, и поэтому она не может быть оправда-

²⁸ Малинова О. Национальная самобытность и прогресс: интерпретации «идеи нации» в пореформенной России // Космополис. 2005/2006. № 4 (14). С. 63–64.

²⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 8. С. 804, 806.

³⁰ Утин Е. Франция и Пруссия // Там же. С. 810–843.

на. Победа же Пруссии «будет торжеством реакции, которая тяжело отзовется на жизни всех народов континентальной Европы»³¹.

Однако уже после поражения Франции под Седаном и последовавшего вслед за ним падения Второй империи отношение к воюющим сторонам в «Вестнике Европы» меняется. Война более не воспринималась его авторами как «война между Императором Наполеоном и немецкой нацией»: «...теперь обстоятельства придают войне характер совершенно противоположный. Императора Наполеона нет вовсе, и мы видим перед собой лишь французскую нацию, сбросившую с себя иго гнусного деспотизма и сражающуюся за целостность своей территории, на которую заявляют притязание хищники из немцев вроде Наполеона III»³². Иными словами, военный конфликт мыслился теперь как противостояние двух наций, что предполагало вопрос о превосходстве одной из них над другой. По большому же счету это был вопрос о том, какая нация более предрасположена к прогрессу. В попытках «Вестника Европы» ответить на него ярко просматривается присущее журналу неоднозначное представление о Германии и Франции как о частях европейского пространства, обладавшего в сознании русской интеллигенции множественностью культурных, политических, социальных смыслов³³. Одновременно здесь явно присутствует наложение двух отмеченных выше концептов, в значительной мере объясняющее противоречивость оценок «Вестника Европы». С одной стороны, в журнале была представлена «Франция 1789 года», наследница идей Французской революции: «Она дала миру те новые начала государственной жизни, без которых народ — не народ, а только густая масса рабов. Она научила Европу равенству всех перед законом, провозгласила начало верховной власти народа»³⁴. Ей противопоставлялась «Империя Наполеона», оказавшаяся «несостоятельной не только в оценке национального духа немцев и относительно миролюбия своей собственной нации, но даже в искусстве вести войну»³⁵: «Разбита и пала только

³¹ Там же. С. 822, 843.

³² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 398–399.

³³ Сабурова Т. А. Модель мира русской интеллигенции XIX столетия // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 302.

³⁴ Утин Е. Франция и Пруссия. С. 823.

³⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 385.

наполеоновская Франция. [...] Все эти поражения и неудачи весьма мало касаются достоинства самой французской нации: ее стойкости, мужества и нравственности...»³⁶.

Германия, в свою очередь, представлялась «Вестнику Европы» наследницей трех поколений гениев, «вековой труд которых объединил Германию несравненно солиднее, нежели это могут сделать победы и трактаты». Философия Канта «наложила на немецкую цивилизацию печать идеализма», поэзия Шиллера и Гете сумела выразить «смутно осознаваемые обществом новые идеалы жизни». За поэтами следовало поколение ученых, которые принесли с собой стремление «привести в соответствие прогресс в идеях и практику жизни»³⁷. Но ведь была еще и Германия Бисмарка — «военный лагерь», чье правительство и «высшая сфера» упорно держались старых традиций. Какая же из двух Германий на самом деле одержала победу, должно было показать ближайшее будущее³⁸.

Из приведенных примеров видно, что «Вестник Европы» отождествлял Германию и Францию, в политическом и географическом смысле, с той внутренней обстановкой, которая существовала в этих странах на момент конфликта. Нации же, преимущественно, отождествлялись с их идеальными образами, выступая носителями великих идей и принципов, будь то наследие Французской революции или немецких философов. Другими словами, вслед за западниками первой половины XIX в. «Вестник Европы» считал, что нация является носителем особого «национального духа, который воплощает некий аспект общей идеи, выражаемой всем человечеством»³⁹: «*Великие идеи* — достояние всего человечества, и каждая нация вносит свое приданое в сокровищницу будущих поколений»⁴⁰.

Соединение двух концептов постепенно способствовало рассмотрению войны с такой точки зрения, которая как бы вбирала в себя обе позиции, но одновременно преодолевала их односторон-

³⁶ Там же. Кн. 10. С. 930.

³⁷ Детство и юность Шлейермахера // Вестник Европы. 1871. Кн. 1. С. 228–230.

³⁸ Полонский Л. Провозглашение Германской Империи // Там же. 1871. Кн. 3. С. 216.

³⁹ Малинова О. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века // Космополис. 2005. № 2 (12). С. 42.

⁴⁰ И. Н. Война и цивилизация. I–V. С. 837.

ность — с позиции общечеловеческого прогресса: «Общечеловеческое отношение к вещам требует, чтобы люди понимали, что нет особой единой нации, предназначенной Провидением для выполнения прогресса». В этом смысле сам вопрос о превосходстве одной нации над другой представлялся журналу не вполне корректным. Тем более неправильным становилось утверждение, будто бы война сможет дать на него ответ, поскольку в таком случае «война была бы наилучшей пропагандой человеческого блага»⁴¹.

Именно необходимостью коррелята между национальным и прогрессивным можно, на мой взгляд, объяснить отсутствие в публикациях «Вестника Европы» резкого крена в одну или другую сторону, в пользу Германии или Франции. Но не только этим. На страницах журнала явно присутствует еще один мотив, без которого любые рассуждения о войне могли бы превратиться в чистую абстракцию. По известнейшим словам К. фон Клаузевица, «война есть продолжение политики другими средствами». А стало быть, как любая политика, она руководствуется прежде всего конкретными интересами. В данном случае речь идет о внутри- и внешнеполитических интересах России последней трети XIX в., связанных как с проблемами модернизации страны, так и с поисками новых подходов к проблеме союзников на европейском континенте. По словам одного из корреспондентов, «гораздо полезнее отнестись просто, трезво к вопросам, поднимаемым нынешней войной, отнестись к ним с точки зрения *нашего внутреннего благосостояния и общечеловеческого прогресса* (курсив мой. — Е. П.)»⁴². Именно в таком понимании и виделся редакции «Вестника Европы» залог прогресса.

⁴¹ Там же. С. 837, 842.

⁴² Там же. С. 834.